

МИР-ДВОЙНИК СТАРОЕГИПЕТСКОЙ ГРОБНИЦЫ

Если до сих пор все наши выводы основывались на более или менее прямых свидетельствах, то теперь мы вынуждены обратиться к свидетельствам весьма косвенным, так что степень гипотетичности в этой главе будет выше (за исключением § 3). Однако то, как результаты, к которым мы приходим, укладываются в уже сложившуюся у нас картину, служит некоторым подтверждением их надежности и позволяет включать их в настоящую работу наравне с более доказанными положениями.

§ 1. Необходимость существования мира-Двойника

До сих пор мы рассматривали Двойника достаточно отвлеченно, как совершенно самостоятельную единицу, взятую вне каких-либо взаимосвязей; при этом речь шла преимущественно о Двойнике хозяина гробницы, ибо именно он лучше всего документирован настенными изображениями и скульптурой. Однако не следует забывать, что Двойник сам по себе, один, без окружения — это чистая абстракция, пользоваться которой можно лишь до определенного предела. Сейчас мы как раз подошли к этому пределу; далее Двойника нужно рассматривать уже не изолированно, а в контексте всего его окружения.

И мы, и древний египтянин можем представлять себе бытие только как бытие где-то; абсолютно изолированное существование какого-либо объекта является абстракцией не только в научном, философском, но и в чисто повседневном понимании. Для человека жизнь в конечном счете есть активность, и даже если предположить, что он может находиться в полной пустоте, где кроме него, нет ничего, это будет уже практически [198] не жизнь, ибо никакая деятельность в ней невозможна. Поэтому подавляющее большинство религий не может обойтись без соответствующей среды для вечного обитания умершего индивида, каким бы оно ни мыслилось (идея нирваны представляет собой редчайшее исключение). «Существование *in vacuo* кажется и непонятным, и бесполезным. В соответствии с этим имморталисты обычно давали простор своему воображению, приписывая будущей жизни среду, подходящую для самых различных занятий... Эта среда, конечно, необходима, так как живущая после смерти личность должна что-то делать, и нельзя ожидать, что она будет функционировать как деятель в полном вакууме. Более того, все то, что она делает, и общий фон ее действий — все это должно быть описано с достаточной обстоятельностью, чтобы вследствие этого потустороннее существование казалось достойным внимания и поддающимся воображению среднего человека. Ведь невозможно уйти от такого чрезвычайно важного соображения, что потустороннее существование должно быть существованием определенного *рода*, если мы хотим, чтобы оно было желательным или хотя бы просто терпимым» [Lamont, 1959, p. 31, 127; Ламонт, 1984, с. 45, 137].

Такое восприятие является предельно общим и присущим человеку любой культурной традиции. Поэтому и в Египте жизнь Двойника при всей ее специфике мыслилась как жизнь в определенном мире. Этот мир необходим уже хотя бы для того, чтобы удовлетворять потребность Двойника в еде и питье — мы уже убедились выше, что он кормится Двойниками продуктов и утоляет жажду Двойниками напитков. Удовлетворение других, более сложных потребностей требует расширения мира, где живет Двойник, и включения в него массы необходимых и приятных объектов. Поэтому мы имеем полное право говорить о мире Двойника как о несомненно наличествующем в представлениях египтян и должны установить основные его характеристики — объем и протяженность во времени, т. е. выяснить, что и как долго существует в этом мире.

§ 2. Объем мира-Двойника. Сущность проблемы

Важнейшим свойством мира Двойника должна быть его качественная однородность, без которой он не может существовать как единое целое, — все его объекты должны быть Двойниками объектов мира земного. Поэтому если в гробнице имеется хотя бы одно-единственное изображение — сцена трапезы, — то в полном соответствии с небезызвестным принципом «если призраки имеют одежды, то и одежды должны иметь призраков» наряду с Двойником хозяина существуют по крайней мере Двойники стула, на котором он сидит, стоящего перед ним стола и лежащих на столе продуктов. Не означает ли это, что Двойники есть у всех без исключения объектов земного мира? [199]

Частично мы уже были вынуждены касаться этого вопроса в предыдущих главах, и вывод, логично вытекающий из полученных результатов, как будто бы заставляет дать положительный ответ. Ясно, что Двойники были не только у вельмож, но и у их слуг — ведь обслуживать Двойника хозяина могут только Двойники челяди. Это подтверждается рассмотренными выше практикой покупки изображений слуг как их *k3.w*, обращениями изображенных людей друг к другу «на *k3*» и т. д. Ясно также и то, что Двойник питается не самой жертвенной пищей, а ее Двойником. В таком случае из необходимости качественной однородности мира Двойника должно следовать, что для производства Двойников продуктов, которыми питается Двойник хозяина, Двойники крестьян на Двойниках быков должны были вспахивать Двойника земли, засеивать его Двойником зерна, Двойниками серпов жать Двойников колосьев и т. д.; точно так же Двойники ремесленников должны были обрабатывать Двойников деревьев, камней, металлов, чтобы изготавливать Двойников столов, сосудов, серпов и других необходимых вещей.

Помимо этого чисто логического вывода у нас имеются и свидетельства источников. Прежде всего следует обратиться к погребальным памятникам животных, но, разумеется, не священных, а просто любимых своими хозяевами; при этом позднее время, когда стали обожествлять целые виды и торжественно хоронить всех их представителей, для наших целей малоинтересно, в отличие от более ранних эпох. Свидетельства огромной важности мы имеем уже от самого начала египетской истории. Среди архаических стел из Абидоса есть несколько посвященных собакам [Amélineau, 1889, fig. 53–54, pl. 34, 36–37; Petrie, 1900–1, pl. 32:10–12], очевидно царским; по-видимому, эти стелы должны были стоять на могилах собак или входить в состав оформления их гробниц, к сожалению не сохранившихся. Они представляют собой точные копии стел людей с именем и изображением владельца — только изображается не человек, а собака. Если мы признаем, что появление стел означает появление или хотя бы проявление представления о мире Двойника человека, следует признать, что оно распространяется и на животных. При этом, поскольку на стелах присутствуют и имена, и изображения собак, Двойники их фиксированы, как и у людей, дважды — как *rn.w* и как *k3.w*.

От Старого царства у нас есть не менее показательное свидетельство — надпись об организации похорон собаки (JE 67573) [Reisner, 1936–2, fig. on p. 96; Fischer, 1966, fig. 2]. К сожалению, блок с этой надписью был использован вторично при облицовке погребальной камеры мастабы Г № 2188 (конец <?> VI дин.), так что ни его первоначальное местонахождение, ни его точная датировка неизвестны. В надписи говорится о «псе, охранявшем его *hm(w)* /т. е. царя/, по имени *'bwtjw*». По приказу Царя, чье имя не упомянуто, для *'bwtjw* была построена гробница, из [200] сокровищницы был выдан саркофаг, а похороны были обеспечены ладаном, камедью и большим количеством полотна. Хотя гробница этого сторожевого пса не найдена, по всему видно, что похороны были проделаны по образцу человеческих,¹ а значит, и сама гробница вполне могла быть оформлена изображениями. Заслуживает внимания и то, что саркофаг *'bwtjw* не изготавливался по специальному приказу именно для него, а был выдан из сокровищницы. Следовательно, там хранилось про запас некоторое количество подобных саркофагов для животных, и практика таких похорон собак,

¹ Слово *jt* — «гробница» — написано с детерминативом мастабы: .

по крайней мере царских, не была уникальна.²

В отличие от случая с *ḥwtjw*, когда погребальный инвентарь перечислен, но в натуре отсутствует, Среднее царство дает интересные фрагменты деревянного саркофага [Capart, 1908], на которых сохранилось именование похороненной в нем суки «блаженной у Старшего бога» и жертвенная формула, аналогичная писавшимся для людей. Еще важнее памятник, изготовленный сыном *Jmn-ḥtp(.w) III*, верховным жрецом Мемфиса *Dḥw.tj ms(.w)*. Это известняковый саркофаг его любимой кошки (CG 5003) с жертвенными формулами и с изображениями ее за столом с продуктами [Borchardt, 1908; Fischer, 1977-2, fig. 5; Eggebrecht, 1984, Abb. an S. 271; Berlandini-Keller, 1991, fig. on p. 21; Gabolde, 1993, fig. 1; Málek, 1993, fig. 101] все оформление заимствовано у памятников людей. Правда, в отличие от предыдущего саркофага, на этом имя отсутствует — его хозяйка названа лишь «блаженной кошкой», но это вполне объяснимо (см. гл. 7, § 3).

Как ни странно, несмотря на очевидность свидетельств этих памятников и на их широкую известность [см.: Fischer, 1980; Brunner-Traut, 1980] как источник для изучения проблемы Двойника их не использовали. Только Райзнер в факте сооружения гробницы для пса *ḥwtjw* увидел проявление представления о существовании *k3* животного [Reisner, 1936-2, p. 98] но его идея внимания не привлекла, тем более что *k3* он понимал крайне упрощенно. Однако сейчас уже ясно, что в основе своей идея Райзнера совершенно справедлива³ и к погребениям животных (прежде всего [201] собак⁴ следует подходить с точки зрения представлений о Двойнике.

Для неодушевленных предметов столь определенных доказательств нет, однако факты, которые можно истолковать в этом направлении, все-таки имеются. Наиболее показателен обычай приписывать к изображению предмета его название. Очень хорошо это правило проявляется, например, в оформлении погребальных камер и во «фризах предметов» саркофагов I Переходного периода и Среднего царства. Двойная фиксация — изображением и названием — хорошо интерпретируется как фиксация *k3* и *rn* (см. гл. 3, § 4).

Создается впечатление, что у каждого человека, у каждого живого существа, у каждого небиологического объекта есть свой Двойник. В таком случае наряду с миром, в котором живут люди, есть мир, являющийся его точной и полной копией.

Именно так представлял его себе Г. Масперо. В 1888 г., подводя итоги своих исследований *k3*, он писал: «...не только люди, но и боги и животные, камни и деревья, естественные и искусственные объекты, все и всё имели своих двойников — двойники быков и овец были копиями настоящих быков и овец, двойники полотен и кроватей, стульев и ножей имели облик настоящих полотен и кроватей, стульев и ножей» [Maspero, 1893-4, p. 389]. Примечательно, что статья эта носит название «Египетские души и их миры» (курсив мой. — А. Б.) — для Масперо было несомненно, что *k3* является универсальным свойством всякого объекта, а совокупность *k3.w* образует целый мир-Двойник. Картина получается захватывающей, приближающейся, по существу, к философской системе Платона — вывод, самим Масперо не сделанный, но неизбежно возникающий у читателя его работы.

Видимо, именно эта последовательность и философская завершенность были особенно привлекательны для Масперо, отличавшегося строгой логикой и стремлением к точности и ясности концептуальных построений; впрочем, это вообще одна из характерных черт того этапа развития египтологии, когда казалось, что еще немного — и можно будет создать стройную и четкую картину древней культуры, лежащую в рамках если не здравого

---

² Дж. Э. Райзнер считал, что *ḥwtjw* принадлежал кому-то из царских приближенных, а не самому царю, хотя и был любим последним, и следовательно, что надпись была помещена в гробнице этого приближенного. Хотя это и не невероятно, скорее всего *ḥwtjw* был именно царским псом и надпись происходит из гробницы самого *ḥwtjw*; впрочем, как бы то ни было, сути дела это не меняет.

³ Райзнер резонно полагал, что *k3* собаки после ее смерти будет существовать в собачьем обличье, но заблуждался, считая, что *k3* должен будет служить царю, как и сам «оригинал» (Reisner, 1936-2, p. 98). Царю в его будущей божеской жизни ничто земное уже не нужно (см. гл. 7, § 3), так что он сооружает гробницу своему псу не для того, чтобы пользоваться службой его Двойника, а только из любви к нему.

⁴ Например, С № 3507 (I дин.) [Emery, 1958, pl. 91].

смысла современного европейца, то, во всяком случае, логики античного философа. Однако все попытки такой интерпретации памятников неизбежно разбивались самими же памятниками, упорно сопротивлявшимся вычитыванию из них свидетельств в пользу существования у египтян той или иной последовательной и непротиворечивой картины мира. Вероятно, именно поэтому последователи Масперо, солидаризировавшиеся с ним в понимании сущности *k3*, проблемы мира-Двойника предпочитали не касаться вообще, так что статья французского [202] исследователя, вышедшая более ста лет тому назад, до сих пор остается единственной попыткой ее решения.

В наше время уже совершенно очевидно, что мировоззренческие представления египтян в высшей степени своеобразны и не укладываются в рамки никаких аналогий, а сознание их очень далеко от уровня философских обобщений и создания логически завершенных систем. Лучшим подтверждением этого является явный неуспех встречающихся до сих пор попыток найти такие системы. Таким образом, несовершенство теории Масперо и причина его заблуждения понятны, однако отбрасывать ее целиком было бы неверным. Масперо был ученым чрезвычайно проникательным, и, как мы уже убедились, его вклад в развитие проблематики *k3* имел определяющее значение. Главная его ошибка заключается в излишней радикальности позиции, естественной для родоначальника целого научного направления, но это никоим образом не исключает существования рационального зерна, которое следует развить на современном уровне. При этом, разумеется, речь может идти только о той части теории Масперо, квинтэссенция которой заключена в цитированном выше отрывке; далее он начинает говорить о «тонкости материи», из которой состоит *k3*, и о других столь же необоснованных вещах [Maspero, 1893-4, p. 389–390], тем самым уходя от существа вопроса.

Путь к его разрешению дает нам соотношение Двойника индивида и мира-Двойника как частного и общего — следует экстраполировать на последний то, что мы уже знаем о первом. Как было показано выше (гл. 5, § 1), *k3* рождается вместе со своим «оригиналом», но существует в очень неявной, неуловимой форме. Для того чтобы сделать *k3* надежным гарантом вечной жизни, его выявляют и фиксируют изображениями. *k3* и изображение оказываются настолько тесно связанными друг с другом, что, видимо, на практике «второе рождение» *k3* зачастую могло восприниматься как главное. Если *k3* не выявлять, о существовании человека все скоро забудут, и уже через поколение о нем не останется никакой памяти. Поэтому, хотя *k3* есть прирожденное свойство всякого человека, сохраняется он только у тех, кто оставил свои изображения; с точки зрения сиюминутной он универсален и естественен, с точки зрения «вечного» продолжения жизни он исключителен и искусственен.

Если так велика зависимость от изображения *k3* человека, то что же говорить о *k3.w* других объектов. Ведь психическая деятельность человека является доказательством неявного существования *k3*, хотя доказательства здесь в общем-то и не нужны, ибо наличие какой-то неумиряющей составляющей личности всегда и везде воспринималось как вполне естественное и не вызывающее сомнения; относительно же других существ тем более предметов такого доказательства и такой убежденности нет и быть не может. Поэтому говорить о существовании в неявной форме каких-либо объектов, кроме человека, следует с большой осторожностью; [203] для них создание изображения практически равняется появлению *k3*. Мир-Двойник оказывается более искусственным, гораздо более зависимым от деятельности художника, чем Двойник его заказчика.

Таким образом, *k3* может иметься у любого объекта, но имеется не обязательно — он есть лишь при условии наличия изображения. Масперо был совершенно прав, когда постулировал возможность дублирования любого объекта, вне зависимости от его природы, но он не учел условия, необходимого для реализации этой возможности. Мир-Двойник Масперо философичен и надуман, так как он начисто абстрагирован от человека, носителя культурной традиции, и независим от него. Принявший его существование в таком виде вынужден будет, чтобы быть последовательным, следующим шагом признать, что такой мир

мог бы существовать даже в том случае, если бы на земле вообще не было людей — настолько он самостоятелен. Но древний человек всегда пропускал через себя все свое окружение, весь свой мир, был соединен с ним несчетным количеством неразрывных связей, вне которых немислимы были ни человек, ни сам мир. Учитывая, что мир-Двойник находится в зависимости от деятельности людей — от изготовления изображений, — мы вводим поправку, имеющую принципиальное значение.

Итак, мир-Двойник, будучи копией мира земного, очень точной во многих деталях, не является копией полной. Он включает в себя лишь то, что считали необходимым для его хозяина, то, что изображали на стенах гробниц — избранные фрагменты реальности. Мир-Двойник оказывается «сконструированным» искусственно, и это на первый взгляд может показаться странным. Однако в любой религии представления о будущем существовании являются абсолютизацией жизненного идеала общества, так что загробный мир строится из элементов действительности, подобранных так, чтобы дать человеку все блага, ценимые его культурой, исключив все нежелательное. По этому принципу построены, несмотря на все различия между ними, и христианский, и мусульманский рай, и Валгалла викингов, и загробные миры других древних и современных религий. Исключение составляют те религии, которые не видят в загробном бытии ничего радостного и не уделяют ему особого внимания. Вавилонский аралу, еврейский шеол, греческий гадес или римский орк земную жизнь не копируют, но это связано с тем, что они вообще очень безлики в силу пессимистического к ним отношения. Когда же оптимистический интерес к загробному существует, он сразу же заставляет переносить на тот свет элементы земного, отобранные по определенным ценностным критериям данной культуры; практически любой загробный мир является именно «сконструированным». Поэтому египетский мир-Двойник, несмотря на всю свою специфику, создается по тем же самым универсальным правилам — необычен лишь способ его «конструирования» при помощи изображений. [204]

Теперь наш вывод об объеме мира-Двойника можно сформулировать так: существование $k3$ есть не просто свойство объекта, но свойство нужного человеку объекта; мир-Двойник, создаваемый изображениями, составляют $k3.w$ лишь того, что нужно его хозяину, что было ему близко в жизни и что он хотел бы сохранить навеки.⁵ Ранее уже

---

⁵ Интересную параллель этому дают воззрения спиритов. По словам английского спирита Оливера Лоджа, дух его покойного сына Рэймонда так объяснял сущность своего мира: «Все, что необходимо для человека, все, что человек в каком-то смысле делает своим собственным, имеет эфирный дубликат. Возьмем к примеру стул. Вероятно, стул, который вы видите дома, ваш материальный стул, и стул, который видим мы, то есть ваш стул на нашей стороне, эфирный стул, — это фактически одно и то же... Вы можете создать эфирное тело какой-либо вещи — пианино, часов, стола, — желая и стремясь иметь его при себе. Вы наделяете его эфирной жизнью, вы создаете модель, мысленную модель, которая придает ему эфирную форму. Ваша мысль о предмете творит своего рода форму, в которую отливается эфир» [Lodge, 1928, p. 104–106]. «Люди стараются создавать...» здесь вещи, которые им нужны. Недавно здесь появился один малый, которому была просто необходима сигара... Он думал, что её будет никак не изготовить, но здесь есть лаборатории, и в них производят самые разные вещи... Это не совсем то же, что на земле, однако для него все-таки удалось сделать нечто похожее на, сигару» [Lodge, 1916, p. 197]. Эти представления, так остроумно спародированные Дж. Джеромом в «Пирушке с привидениями», наиболее ярко отражены в послании от духа покойного химика Лестера Колтмэна. В его рассказе реализм доходит до полного абсурда: «Моя работа продолжается здесь в том же направлении, что началась на земле, и для того, чтобы проводить свои исследования, я часто прихожу в лабораторию, имеющую замечательно полный набор оборудования для проведения экспериментов. У меня свой просто восхитительный дом с библиотекой, включающей справочную литературу — историческую, естественнонаучную, медицинскую, — а также самые разные книги... У меня есть музыкальная комната со всевозможными инструментами. У меня есть картины исключительной красоты и замечательная обстановка... Из моих окон видны очень красивые холмистые окрестности, а недалеко находится дом, где в счастливом согласии живут многие добрые друзья из моей лаборатории» [Walbrook, 1924, p. 32–34]. Отличие здесь только в терминах: достаточно заменить «эфирное тело» на $k3$, и мы получим почти точную картину египетского мира-Двойника. Такое удивительное сходство представлений, разделенных почти пятью тысячами лет, имеет типологический характер. Спириты отводили богу в системе своих представлений ничтожную роль, интересуясь главным образом общением с духами мертвых, и хотя они могли быть ортодоксальными христианами, творец оставался в отдалении от вечной жизни, как они ее себе представляли («Спиритизм система идей и знаний, которая может быть примирена с любой религией... Спиритизм сам по себе

неоднократно [205] говорилось, что в гробнице изображается только хозяйство ее владельца и ничто за его пределами. Теперь это утверждение можно сформулировать по-новому: мир-Двойник дублирует действительность в объеме хозяйства. Это в высшей степени естественно — обширное вельможеское хозяйство Старого царства обеспечивало практически все потребности своего владельца, было самостоятельной экономической единицей, довольно слабо связанной с окружающим миром. Случаи, когда какие-либо услуги собственное хозяйство не могло выполнить и за ними приходилось обращаться на сторону (например, оформление гробницы), были весьма редки. Поэтому мир-Двойник вполне можно было «конструировать» в объеме своего хозяйства — это уже гарантировало обеспеченность Двойника хозяина всем ему необходимым.

Изображения в гробницах очень точны и подробны, так что они по праву стали важнейшим источником для изучения почти всех сторон жизни эпохи. Однако, несмотря на точность даже в мельчайших деталях, зачастую они серьезно искажают многие принципиальные моменты. Мир-Двойник не только уже реального, но и отличается от него в целом ряде аспектов. Поэтому без выявления допустимых пределов искажений действительности и без установления правил, по которым они совершаются, мы его до конца понять не сможем.

§ 3. Искажения действительности в мире-Двойнике

Весьма своеобразная интерпретация роли художника в создании мира-Двойника привела египтян к целенаправленному улучшению последнего. Если бы все сводилось только к тому, что *k3* рождается вместе с человеком, что он всецело первичен по отношению к изображению, получилась бы следующая картина: художник не имеет никакой свободы творчества, он лишь рабски воспроизводит уже имеющегося *k3*, и поэтому его «копия» точно повторяет «оригинал». Однако Двойник существует до изображения лишь в очень неявной форме, в которой после смерти человека он долго не проживет. Изображение выявляет и фиксирует Двойника и тем самым делает его практически бессмертным, создает его для вечной жизни. При фиксации некоторые расхождения с «оригиналом», разумеется не слишком радикальные, вполне возможны и естественны, тем более что, как мы выяснили (гл. 6, § 1), *k3* уже в силу природы человеческой психики не может быть «копией» абсолютной. [206]

Отсюда вытекает желание улучшить «копию» по сравнению с «оригиналом», порождающее в египетских гробничных изображениях немало отклонений от реальности, направленных на то, чтобы усовершенствовать мир-Двойник. Как ни странно, связанные с этим принципиальные проблемы долгое время не привлекали внимания исследователей. Лишь О.Д. Берлев впервые четко показал, что «в гробницах египетские художники создавали мир, основанный на безусловном и верном отражении действительности, но не исчерпываемый ею и не объяснимый только на ее основании. Поэтому для того, чтобы понять эту реальность с помощью данного источника... необходимо смотреть на нее глазами людей, позаботившихся о создании этого во многих отношениях драгоценного источника. Мы попытались сопоставить объективное с субъективным <в изображениях>... и сразу же убедились, что египтяне не ставили знака равенства между тем и другим. Более того, воспринимая объективное как данное, египтяне были серьезно озабочены субъективной стороной дела, не учитывая которую современный исследователь... проходит мимо важного

удовлетворяет все потребности человека...» [Conan Doyle 1926-2, p. 246–247]). Египтяне Старого царства также не включали богов в свой мир-Двойник, который таким образом оказывался сугубо реалистическим. Хотя всякий загробный мир обычно строится по образу мира земного, который лишь улучшается в соответствии с теми или иными идеалами, присутствие в нем бога или богов не позволяет ему быть копией точной, так как близость божества сама по себе существенно изменяет положение мертвого и вовлекает его в такие взаимосвязи, в которые при жизни он включен не был. В отсутствие божественного, как у египтян или спиритов, иной мир может быть гораздо более точной копией реальности, ибо в нем существует все то же самое, что в мире земном, и все интересы его обитателя равны его прижизненным интересам.

историко-культурного явления, существенного для характеристики египетского общества в целом» [Берлев, 1978, с. 18]. Эти слова служат отличным введением в проблематику, образец подхода к которой дал Берлев, хотя книга его посвящена социально-экономическим явлениям, а не мировоззренческим вопросам. Мы же обратимся к искажениям действительности в гробничных изображениях с точки зрения представления о Двойнике [ср.: Большаков, 1987-1, с. 31–32].

Довольно условно эти искажения можно разделить на две группы. Искажения первого рода заключаются в том, что все опасное, неудобное, неприятное и просто ненужное не изображается и тем самым не вводится в мир-Двойник. Искажения второго рода, напротив, состоят в изображении того, что отсутствует в действительности, но может улучшить мир-Двойник и поэтому превращается в его неотъемлемую составную часть. Сочетание этих двух групп искажений позволяет существенно переставить акценты в мире-Двойнике по сравнению с действительностью.

Важнейшим искажением первого рода является пространственная ограниченность мира-Двойника, о которой говорилось выше. Поскольку при жизни практически ничто за пределами своего хозяйства его владельцу не было нужно, он и в вечности стремился замкнуться в пределах собственных владений и все свое внимание уделять только им; весь же окружающий мир можно было не изображать за ненадобностью. Из этого вытекают последствия огромного значения.

Поскольку ничто вне хозяйства вельможи не изображается, в гробницах Старого царства никогда не показывают государственную службу, на которой обязательно находились их владельцы.⁶ Поэтому о том, что [207] эти люди делали при жизни, какие должности занимали, каких успехов достигали, мы узнаем только из перечней их титулов, да иногда из биографических надписей, вырастающих со временем из этих перечней. Однако всё описываемое в биографиях относится лишь к прошлому, но не к будущей жизни; это то, что приятно вспомнить, но совершенно необязательно переносить в мир-Двойник. Перечни же должностей, которые занимал хозяин гробницы, являются уточнением его имени, удостоверением его личности, но не дают никаких оснований делать выводы о том, что он хотел бы служить на этих должностях и в мире-Двойнике. Чрезвычайно характерно, что, как подметила М. Итон-Краус, на староегипетских рельефах отсутствуют не только изображения хозяина в позе писца, но и изображения статуй, показывающих его в этой позе, хотя сами такие статуи весьма распространены [Eaton-Krauss, 1984, p. 20]. Итон-Краус совершенно правильно объяснила это тем, что поза писца свидетельствовала бы о подчиненном положении чиновника, но не увидела значительности этого явления с точки зрения искажения действительности в мире-Двойнике. Скульптурный портрет вельможи в виде писца вполне возможен, так как он изолирован в сердабе и существует сам по себе; на настенных же изображениях, создающих целый мир с фрагментами социальной структуры, писцовой позы следовало избегать.

Такая позиция египетских чиновников вполне понятна. Государственная служба, на которой они находились всю жизнь, была сложна, беспокойна, порой опасна, так что совершенно естественно возникало желание избавиться от нее в будущем.⁷ Однако в реальной жизни право на владение хозяйством давала лишь служба; независимая от нее

⁶ Возле входа в гробницу *Jtj / Šdw* в Дешаше сохранились остатки изображения пирамиды и храма (?) [Petrie, 1898, pl. 24; Kanawati, McFarlane, 1993, pl. 44]. Его можно пытаться интерпретировать как уникальную сцену жреческой службы при пирамиде, однако степень сохранности заставляет подходить к такой интерпретации с большой осторожностью. Гораздо понятнее изображения осады крепостей в гробницах *Jntj* (Дешаше) [Petrie, 1898, pl. 4; Capart, 1930, fig. 154; Kanawati, McFarlane, 1993, pl. 27] и *K3(j)-m-hz.t* (Саккара) [Quibell, Hayter, 1927, frontisp.; Capart, 1930, fig. 152]. Все военные действия в рассматриваемое время совершались лишь по приказанию царя, и эти сцены можно понимать как изображения государственной службы. Видимо, взятие крепостей было столь важным успехом в карьерах *Jntj* и *K3(j)-m-hz.t*, что ради его увековечения они отказались от общего правила не показывать свои служебные дела.

⁷ Некоторой аналогией этому в более поздние эпохи является стремление освободиться от царских работ того света при помощи статуэток-ушебти. Способ здесь избирается иной — создание своего «заместителя», смысл же практически идентичен.

частная собственность даже у богатейших людей была незначительна. Таким образом, возникает серьезнейшее искажение — вельможа в своем мире-Двойнике получает все блага, которые дает государственная служба, избавляясь от нее самой. [208]

Перестановка одного лишь элемента — отношения к службе — весьма изменяет жизнь мира-Двойника по сравнению с реальной, исключая из нее значительные фрагменты. Часто египтянам приписывают представление о том, что после смерти вельможи образуют вокруг царя такой же двор, как и при жизни. Однако двор — это высшие чиновники, которые, как мы видим, от своего чиновного положения по сути отказываются. Единственным аргументом в пользу существования некоего «загробного двора» является концентрация мастаб знати возле пирамид. Но концентрация эта была вызвана преимущественно практическими соображениями — культ легче обеспечить при компактном расположении гробниц. Это подтверждается тем, что далеко не всегда столичные вельможи строили гробницы у пирамиды именно своего владыки. Видимо, в выборе места погребения большую роль играли соображения святости той или иной местности и ее близость к месту жительства семейства. Например, при пирамидах царей VI дин. в пустынной и не имеющей древних традиций южной Саккаре похоронены преимущественно служащие их храмов, тогда как все их сколько-нибудь значительные современники (кроме визирей *Pjprj II*) предпочитали многолюдный, близкий к городу район возле Ступенчатой пирамиды, великой святыни Старого царства. Наконец, важны были и семейные традиции, нам сейчас совершенно непонятные; так, многие приближенные царей, чьи пирамиды находятся в Саккаре, были похоронены в Гизе, где их гробницы образуют целые семейные комплексы.

Такая независимость не вызывала у царей никакого недовольства и воспринималась ими как нечто вполне естественное. Например, когда умер *W3š-ptḥ*, визирь и архитектор царя *Nfr-jr(j)-k3-rꜥ(w)*, сын покойного по каким-то причинам построил для него мастабу возле пирамиды *S3ḥ-w(j)-rꜥ(w)*, а царь даровал своему любимцу саркофаг и обеспечил культ в его гробнице [Urk. I, S. 43–45], т. е. не только не осудил за то, что тот оказался похороненным не при его пирамиде, но и выразил свое наивысшее благоволение к нему. Это и понятно — царю в его посмертной жизни прежний двор уже не нужен; утратив свое человеческое естество и окончательно став божеством, он находится в обществе богов, куда придворным доступа, конечно же, нет. Здесь желание знати освободиться от службы совпадает с ненужностью для царя иметь служащих. Поэтому случай планирования некрополя возле пирамиды *Hw(j).f-w(j)*, на который всегда ссылаются сторонники существования «загробного двора», абсолютно не показателен. *Hw(j).f-w(j)*, построив гробницы для своих приближенных, скорее всего взял на себя и обеспечение их культа, что было проще всего при компактном расположении;⁸ наконец, не следует [209] забывать и о стремлении создать достойное архитектурное обрамление для Великой пирамиды. Другие цари предпочитали обходиться без столь дорогостоящих проектов, поэтому комплекс в Гизе остается уникальным.⁹

Переходя к искажениям второго рода, следует сразу же отметить, что хозяйство вельможи всегда изображается не совсем таким, каким оно было на самом деле. В реальности оно представляло собой (по крайней мере у знатнейших и богатейших людей) совокупность совершенно независимых и очень удаленных друг от друга подразделений, что позволяло производить в его пределах всевозможные продукты и делало его самообеспечивающимся и самодостаточным. В формулах смотра и в названиях сцен доставки постоянно встречаются упоминания того, что жертвы хозяину доставляются из его селений (*njw.wt* и/или *ḥ(w).wt*), находящихся как в Верхнем, так и в Нижнем Египте.

⁸ Не следует забывать, что царствование *Hw(j).f-w(j)* было первым, когда жертвенная формула, говорящая об обеспечении культа царем, была в употреблении с самого начала правления.

⁹ Похоже, что попытка соорудить нечто подобное в меньших масштабах была предпринята *Dd.f-rꜥ(w)* в Абу-Роаше [Bisson de la Roque, 1925, pl. 1–3], но в связи с ранней смертью этого царя и неблагоприятной для Абу-Роаша политической ситуацией она оказалась неудачной.

Конкретизируются эти утверждения надписаниями к изображениям представительниц селений, в которых иногда указываются названия номов, где селения располагаются — они могут быть разбросаны по всей стране.¹⁰ Тем не менее в системе гробничных изображений все эти подразделения превращаются в единое компактное целое, в жизни никогда не существовавшее. Это искажение позволяло представить все владения вельможи разом и в то же время не уводило слишком далеко от действительности — в мире изображений ликвидировалась только несущественная в конечном счете пространственная разделенность составных частей хозяйства и тем самым подчеркивалось их гораздо более важное для хозяина экономическое единство.

Узость границ мира-Двойника, его искусственная концентрированность и отсутствие какого бы то ни было окружения ведут к важнейшему искажению второго рода, которое, кстати, хорошо иллюстрирует условность нашего разделения искажений на две группы. Это изменение масштабов личности в мире-Двойнике по сравнению с реальным миром. Поскольку мир-Двойник сводится к хозяйству вельможи, тот оказывается его безраздельным владыкой. Так было и на самом деле, но при жизни даже самый знатный человек, имеющий огромное хозяйство и пользующийся в нем неограниченной властью, был совершенно ничтожен перед царем. Когда же границы этого хозяйства оказываются одновременно и [210] границами мира-Двойника, положение меняется. Владелец гробницы становится центром целого мира, в котором абсолютно все существует только для него, ибо никакого другого господина в этом мире просто нет.

При этом несуществующей оказывается не только царская, но и вообще любая власть, стоящая над владельцем гробницы. Миры-Двойники людей, находящихся на очень разных ступенях чиновничьей иерархии, строятся по одному образцу. Если слуга мог соорудить и оформить гробницу, он занимал в своем новом мире точно такое же место, как и его господин — в своем (разница лишь в размерах миров). Таким образом, неравенство, существующее в рамках господствующего класса, выравнивается. Так, например, *Whm-k3(.j)* служил «начальником дома» (т. е. управителем хозяйства) царевича *K3(.j)-n(j)-n(j)-swt I*, в гробнице которого (Г № 2155) он изображен как лицо подчиненное [Junker, 1934, Abb. 19, Taf. 7-a]. В гробнице же самого *Whm-k3(.j)*, построенной рядом с мастабой его хозяина (ГШ № D.117), мир-Двойник создается по вельможескому образцу [Kayser, 1964, Abb an S. 24–25, 30–33]. В этом мире *Whm-k3(.j)* оказывается центральной фигурой, ни в чем не уступающей самому *K3(.j)-n(j)-n(j)-swt I*; о реальном положении *Whm-k3(.j)* говорят лишь списки его незначительных титулов. Последнее, кстати, является прекрасным доказательством того, что наличие перечней должностей еще не означает желанья занимать их — *Whm-k3(.j)* в своем мире-Двойнике благодаря его улучшению имеет благ больше, чем может дать ему служба, так что она ему и не нужна. Разумеется, случай с *Whm-k3(.j)* нетипичен, так как обычно люди, занимавшие подобное общественное положение, не могли создать столь представительную гробницу, но тем не менее показателен. Скорее всего, мастаба *Whm-k3(.j)* была воздвигнута на средства *K3(.j)-n(j)-n(j)-swt I*, который таким образом наградил своего верного слугу, недостаточно состоятельного для того, чтобы оформить часовню рельефами высочайшего качества. Если это действительно так, то оказывается, что хозяин принимал стремление слуги к независимости в мире-Двойнике как должное, а в данном конкретном случае даже содействовал исполнению этого желания. Здесь дело обстоит примерно так же, как и в случае посмертных взаимоотношений придворных и царя. Господин не испытывал ни малейшего неудобства от того, что слуга в своем мире становился независимым от него — ведь в мире хозяина он так и оставался слугой. Поэтому *K3(.j)-n(j)-n(j)-swt I* ничего не потерял, создав для *Whm-k3(.j)* вельможеский мир-Двойник, — благодаря наличию в мастабе царевича изображения *Whm-k3(.j)* как подчиненного, вельможа мог пользоваться его

---

¹⁰ Особенно хорошо это видно в мастабе *3h.t(j)-htp(.w)* и *Pth-htp(.w)* (СМ № D-64), где показаны представительницы множества селений из верхне- и нижнеегипетских номов [Davies, 1901-1 pl. 4, 10–11, 14; Paget, Pirie, 1898, pl. 34–35]. Соотношение этих хозяйственных подразделений тщательно проанализировано Ю.Я. Перепелкиным [Перепелкин, 1988-1, с. 137–138].

услугами по-прежнему. Все эти удивительные «раздвоения действительности» вытекают из разделенности и абсолютной независимости миров-Двойников разных людей. Избавившись от необходимости подчиняться, владелец мира-Двойника в полной мере сохраняет возможность подчинять. Двойники тех людей, которых он берет в свой мир для обеспечения [211] своих потребностей, находятся по отношению к нему в том же самом положении, что и сами эти люди при жизни. При этом, разумеется, мир-Двойник создается лишь для его владельца, все же остальные попадают в него постольку, поскольку они служат ему. Поэтому совершенно естественно, что имена зависимых людей обычно при их изображениях не надписываются — хозяину важен лишь сам факт присутствия рабочей силы, а не личность принадлежащего ему человека.

Точно так же было и в жизни — владельцы огромных хозяйств Старого царства просто не могли знать всех своих людей ни в лицо, ни по именам; для них существовала лишь безликая и безымянная масса, единственной характеристикой которой была способность выполнять ту или иную работу. Такое отношение к своим людям хозяин переносил в мир-Двойник, и иначе быть не могло. Записи имени среди подчиненных удаивались лишь немногие. Главным образом это руководители вельможеского хозяйства и его подразделений, а также «служители Двойника», т. е. люди, известные своему хозяину, близкие к нему, выполняющие работу, требующую определенной самостоятельности, а потому выделяемые из общей массы, воспринимаемые как личности.

Точно таким же было и отношение к индивидуальности животных: степень близости к хозяину и здесь играла решающую роль. В гробницах часто встречаются изображения собак (со Старого царства) и кошек (с XII дин.), но имена приписывают, как правило, только к первым — в результате от всех периодов египетской истории нам известны имена более 70 собак [Janssen J.M.A., 1958; Fischer, 1961; 1977-2; Simpson, 1977] и только одной кошки [Davies, 1922 pl. 9; Fischer, 1977-2, fig. 7]. Это и понятно — собака была близким другом человека, в высшей степени привязанным к нему существом, помощником на охоте, кошка же оставалась всего лишь полезным домашним животным, которого держали в чисто практических целях, для борьбы с грызунами. Поэтому и индивидуальность собак различалась лучше, чем кошек, которые в силу своего образа жизни были гораздо более безликими. Соответственно в своем мире-Двойнике человек хотел видеть Двойника именно своей собаки, своего друга, для чего и служили надписания имен, от кошки же требовалась только ее служба, и здесь индивидуальность особой роли не играла. И даже когда при XVIII дин. царевич *Dhw.tj-ms(.w)* хоронил свою любимую кошку (см. выше, гл. 7, § 2), он действовал в рамках этой традиции, называя ее в надписях на саркофаге всего лишь «блаженной кошкой», без упоминания имени. Погребение кошки в это время было еще редкостью, поэтому слово «кошка» само по себе было достаточным для идентификации похороненной, и опасений, что жертвы, обеспечиваемые жертвенной формулой, попадут не по адресу, не было.

Отношение к прочим домашним животным (например, к обезьянам), было аналогично отношению к кошкам. Таким образом, египтяне [212] признавали индивидуальность только у собаки, хотя Двойники могли иметься и у других животных.¹¹ Все это прекрасно укладывается в схему, предложенную ранее (гл. 6, § 1).

Вернемся, однако, к изображениям рабочей силы. Зависимые люди изображаются всегда молодыми, сильными, здоровыми и неотличимыми друг от друга. Это, разумеется, искажение действительности, и предопределено оно тем, что таков был естественный облик

---

¹¹ Любопытно, что такое особое отношение к собаке универсально и сохраняется до наших дней. Любитель кошек, приласкав на улице приглянувшегося ему зверька, скорее всего назовет его киской или каким-либо другим словом, в конечном счете являющимся видовым обозначением. Собаку же в аналогичной ситуации большинство назовет какой-нибудь распространенной в данной стране и в данное время кличкой — мы видим в собаке индивидуальность и неосознанно стремимся дать ей имя, пусть даже фиктивное, и тем самым выделить ее среди других представителей ее вида. По отношению к кошке, гораздо более независимой и далекой от человека, такое желание возникает намного реже. Как видим, аналогия египетским представлениям об индивидуальности и имени оказывается полной, хотя нами все это и не осознается.

Двойника, отличный от облика человека. Но вместе с тем оно было в высшей степени выгодным для хозяина гробницы — среди его челяди, конечно же, были старые, хилые и увечные, но в мире-Двойнике вместо них всегда оказывались молодцы как на подбор, пригодные к любой работе. Приблизиться к действительности при помощи показа реальных черт людей было можно, но этого не делали — ведь всякое отклонение от стандарта является недостатком рабочей силы. Некоторое исключение составляют, пожалуй, только довольно редкие изображения лысых работников [например: Dunham, Simpson, 1974, fig. 4; Moussa, Altenmüller, 1977, Abb. 10, 12, 24, Taf. 24; Steindorff, 1913, Taf. 110–113, 116–118; Wild, 1953, pl. 110–113, 115, 117, 119, 120–124; Simpson, 1976-2, pl. C, D; Duell, 1938, pl. 21, 52, 169–170; Blackman, 1953, pl. 30], однако это не тот недостаток, который может причинить ущерб хозяину. Настоящие физические недостатки начинают показывать лишь в Среднем царстве (знаменитые «тощий» и «толстый» пастухи из гробницы меирского номарха *Wh-htp(.w)* [Blackman, 1915, pl. 6]), но и это случаи редчайшие — вельможа не хочет вредить собственному благосостоянию.¹²

Весьма вероятно, что безликость рабочей силы могла иногда толкать не очень богатых людей изображать свою челядь более многочисленной, [213] чем она была на самом деле. К сожалению, проверить это нельзя, так как у нас нет альтернативных источников для сравнения с гробничными изображениями. Возможно, что и к встречающимся иногда указаниям количества изображенного скота также следует относиться с осторожностью, но и здесь дальше констатации этого мы не пойдем из-за отсутствия чисто хозяйственных документов, не связанных с миром-Двойником [ср.: Перепелкин, 1988-1, с. 199–200, 202–203].

Отсутствие имен возле изображений челядинцев, т. е. неопределенность изображенных, породило еще одно искажение, уже не связанное с первоначальным оформлением гробницы. Человек, занимавший некоторые должности, но не имевший достаточных средств для сооружения собственного памятника, постоянно видел в чужих гробницах массу изображений безымянных людей. У него, естественно, возникало желание приписать свое имя к одному из таких изображений и тем самым включить своего Двойника в мир чьей-то гробницы. В этом не было ничего недопустимого с моральной стороны — хозяину гробницы безразлично, кто именно работает на него, изображенный же слуга без имени как личность не существует, и поэтому приписывание ему любого имени преступлением не является. Приписки прекрасно показывают, как египтянин, не имевший возможности создать собственный мир-Двойник, готов был занимать подчиненное положение в мире-Двойнике другого человека, лишь бы не исчезнуть совсем. Практика эта еще ожидает специального исследования как с социальной, так и с мировоззренческой стороны, но общий смысл ее совершенно понятен.

Существовал и еще один сходный способ проникновения в чужой мир-Двойник. Двойник человека, имевшего возможность поставить лишь скромный памятник с одним-единственным изображением, был обречен на существование в изоляции. Если же такое изображение поместить в чьей-нибудь гробнице с богатым оформлением, то Двойник включается в жизнь ее мира — разумеется, как лицо подчиненное. В этом отношении весьма примечательна гробница номарха *Pjppj-^cnh(.w)* Среднего в Меире: в ней находится ряд граффити (изображений с надписаниями) людей, называющих себя его «служителями Двойника» [Blackman, 1924, pl. 3]. Эти граффити не синхронны сооружению гробницы — по крайней мере одно из них, принадлежащее некоему *Fff*, судя по написанию имени, вполне могло, как считал К. Зете, относиться ко времени вплоть до XII дин. [ibid., p. 32, note 4], когда культ номарха уже явно прекратился. Следовательно, люди эти на самом деле жрецами

¹² В сценах драки лодочников нередко показывается, как драчуны наносят друг другу различные увечья. Однако драка возникает во время доставки хозяину жертв, когда команда каждой лодки стремится обогнать и оттеснить других, тем самым показав свое рвение в службе. Видимо, польза от изобразительной фиксации этого рвения расценивалась хозяином как превышающая тот ущерб, который она причиняет Двойникам его слуг [Большаков, 1983-1; Bolshakov, 1993-2], но все же характерно, что больше ничего подобного в гробницах не изображают.

назначены не были и приписывали себе эту должность сами, чтобы их Двойники вошли в богатый мир-Двойник *Pjprj-ḥnh(.w)* Среднего. Выбор же именно этой должности был основан на соображениях морального порядка: создание своего изображения в чужой гробнице — акт насильственный, и поэтому, чтобы он не выглядел [214] таковым, следовало сделать его полезным и для самого номарха. Поскольку в рамках египетских представлений всякий человек, приносящий в гробницу жертву, выполняет жреческую службу — а именно так и изображают себя чужаки, — номарх бесплатно обретал вечных жрецов, так что осуждать их вторжение в свой мир-Двойник ему было не за что.

Впрочем, и это естественно, вельможа и сам старался обеспечить себе штат жрецов, и для этого он также мог идти на искажения действительности. Таким искажением является интерпретация оплаты труда художника как цены Двойников изображенных людей, выявленная О.Д. Берлевым и рассмотренная нами выше (гл. 3, § 2). Когда *Jr.tj* в своей надписи сообщает, что он купил «служителя Двойника» *Hnmtj*, он идет на сознательную фикцию: на самом деле такая купля была невозможна, ибо гробничные жрецы рабами не бывали, но так как она гарантировала бы обеспечение культа надежнее, чем обычный договор, теснее привязывала бы жреца-кормильца к хозяину, ее превращают в реальность для мира-Двойника.

Искажения касались, конечно, не только хозяйства вельможи, но и его собственного облика. Уже в силу самой природы *k3* он в своей вечности всегда молод, силен, здоров, даже если смерть застала человека дряхлым стариком. Таким образом, хозяин мира-Двойника не только наслаждается материальными благами, но и пребывает при этом в идеальном, наиболее желательном состоянии.

Количество примеров искажений действительности в мире-Двойнике при желании можно увеличить,¹³ однако и без того их огромная роль совершенно очевидна. Их совокупность позволяет значительно улучшить мир-Двойник по сравнению с реальным миром. Заключается это улучшение прежде всего в изоляции мира-Двойника от всего окружающего. Тем самым его хозяин превращается из владыки в масштабах хозяйства во владыку во всемирных масштабах (хотя мир его оказывается при этом [215] лишь маленьким мирком) и избавляется от всех отношений подчинения, в которых находился вне своего хозяйства, сохраняя все отношения господства внутри него.

Поскольку миры-Двойники разных людей изолированы друг от друга, автоматически исчезает иерархия, в которой их владельцы находились в реальном мире, так что начальник и подчиненный, если только последний может построить гробницу, занимают в своих мирках одинаковое положение — положение абсолютного господства. Общественные отношения в рамках хозяйства в целом сохраняются, но и в них вносятся некоторые изменения, направленные на еще большую абсолютизацию власти его владельца. Каждый из миров изолирован, но в него можно проникнуть — правда, только превратившись в зависимое лицо. Практика приписок, направленных на такое проникновение, позволяет нам, пожалуй, впервые в истории человечества прикоснуться к элементам социальной психологии и не только увидеть оптимизм господ, общественное положение которых гарантирует им счастливую вечность, но и понять скрытое источниками отчаяние низов, лишенных этой вечности и стремящихся приобщиться к вечности имущих на правах подчиненных.

---

¹³ Отметим еще лишь одно искажение первого рода, лежащее несколько в стороне от основного русла. В староегипетских вельможеских гробницах начисто отсутствуют изображения солнца, луны и звезд. Разумеется, это никоим образом мир-Двойник не улучшало; скорее всего мы имеем здесь дело с проявлением представления о священности светил, делавшего их изображения царской прерогативой (ср. звезды на потолке погребальной камеры пирамиды *Wnjs*: [Piankoff 1968, pl. 4–7]) и поведшего к запрету их изображения частными лицами. Для нас, однако, важно то, что свойства мира-Двойника допускали такое искажение и позволяли безболезненно пережить его. Представление об изображениях как источнике света гарантировало свет в мире-Двойнике и компенсировало отсутствие запретных светил. Это искажение было вынужденным, большая же их часть относится, как мы видели, не к природным явлениям, а к жизни общества — на изменение среды обитания в мире-Двойнике египтянин претендовать не мог.

Разумеется, все эти искажения в социальной области не означают сознательного стремления вельможи избавиться в своем мире-Двойнике от власти царя и вообще от любой вышестоящей власти. В столь централизованной стране, где господствующий класс составляло четко стратифицированное по должностям чиновничество, подобная мысль просто не могла возникнуть — она слишком противна всему укладу жизни. Тем более не приходится говорить о воплощении ее в массе памятников, сооружение которых, как и любое другое дело, находилось под строгим государственным контролем. Причина возникновения этого искажения кроется в другом. Когда при IV дин. складывалась система оформления гробниц, имевших тогда очень небольшие часовни, решающим фактором был недостаток места, заставлявший выбирать только сюжеты, непосредственно связанные с кормлением хозяина. Государственная служба была лишь одним из вынужденно отсутствующих сюжетов, так что о преднамеренном исключении ее из мира-Двойника речи быть не может. Такой репертуар изображений закрепился, и затем, когда количество изображений стало возрастать практически неограниченно, традиция заставляла идти по пути дробления старых сюжетов, но не позволяла вводить принципиально новые, среди которых могли бы быть и связанные со службой. В конце V — начале VI дин. оформление гробниц стало передавать все хозяйство полностью, и тогда выгоды отсутствия сцен службы стали совершенно ясными. Из этого главного и совершенно естественно возникшего искажения вытекают практически все остальные, как первого, так и второго рода. При этом, сколь бы серьезны искажения ни были, они, [216] многое давая тем, для кого делались, других ничего не лишали. Разумеется, практика, приносившая большие выгоды и никого не ущемлявшая, не могла не приобрести широкое распространение.

Однако, несмотря на то что мир-Двойник не совсем адекватен реальному, искажения имеют определенные пределы, перейти которые не дано никому. Человек небогатый, наверное, может преувеличить количество своих челядинцев, приписать себе несуществующих слуг, но, насколько известно, неженатый не может выдумать себе жену, а бездетный — сыновей. Такая фикция была недопустима, так как она означала бы создание существ, которые должны иметь индивидуальность, и прежде всего имена, — а это в корне отлично от создания безымянной и безликой челяди.

В этом отношении чрезвычайно характерно полное отсутствие часовен для культа детей, умерших малолетними, хотя детские погребения в родительских гробницах встречаются [Feucht, 1980, S. 428]. Ведь часовня строится для того, чтобы создать в ней для владельца копию его хозяйства; ребенок же своего хозяйства не имеет, и его пришлось бы выдумывать целиком. На это египтяне не шли, а ограничивались изображениями детей в часовнях родителей — дети своего мира-Двойника не имели, как не имели хозяйства, но зато входили в родительский мир-Двойник.¹⁴

Таким образом, искажения действительности в мире-Двойнике несомненны, но совершаются они в определенных границах и по определенным правилам, что не позволяет нам усомниться в значении материалов гробниц как надежного источника по экономике, общественным отношениям и мировоззрению эпохи. Более того, если мы знаем эти границы и эти правила, искажения сами приобретают для нас чрезвычайную ценность — они позволяют лучше понять отношение древних египтян к различным сторонам их жизни, приблизиться к их не всегда даже осознанному жизненному идеалу, который они надеются осуществить в мире-Двойнике.

---

¹⁴ Разумеется, когда кто-либо присваивал чужую гробницу, сбивая имя ее владельца и заменяя его собственным именем, он приписывал себе хозяйство, которого не имел, — фикция переходит все допустимые пределы. Однако узурпация гробниц является не нормой, признанной обществом, а преступлением, поэтому говорить здесь о каких-то пределах не приходится — недопустим не масштаб искажения, а сам способ, которым оно совершается.

§ 4. Объем мира-Двойника. Выводы

Только теперь мы подошли к пониманию удивительного своеобразия представления о мире-Двойнике. В ходе исследования путем последовательных уточнений мы дали ряд все более и более узких определений.

1. Мир-Двойник есть *копия реального мира*, включающая Двойников всех существующих в реальности объектов (мнение Масперо). [217]

2. Мир-Двойник есть *неполная копия реального мира*, копия его части.

3. Мир-Двойник есть *копия части реального мира, непосредственно связанной с владельцем гробницы*.

4. Мир-Двойник есть *копия хозяйства владельца гробницы*.

5. Мир-Двойник есть *неточная, улучшенная при помощи искажений реальности копия хозяйства владельца гробницы*.

Таким образом, мир-Двойник представляет собой мирок, включающий в себя Двойников всего того, что составляет хозяйство его владельца, и существующий исключительно для Двойника последнего. В этом заключается его уникальность среди загробных миров других культур (не говоря уже о том, что он не является исключительно загробным, хотя и выполняет эту функцию). Если обычно среда посмертного обитания мыслится как некоторый мир, общий для всех умерших или хотя бы для всех представителей определенного социального статуса, египетский мир-Двойник — это индивидуальный мирок только для Двойника владельца данной гробницы с изображениями. Двойники других людей устаиваются вхождения в мир-Двойник либо благодаря близости к его хозяину (его родня), либо потому, что последнему необходимы их услуги (челядь). Теми же соображениями личной привязанности и удобства существования объясняется включение в мир-Двойник Двойников других объектов.

Мир-Двойник, подобно староегипетскому вельможескому хозяйству, оказывается замкнутым сам на себя, но, поскольку все в нем абсолютизировано, абсолютизируется и эта замкнутость. В реальности хозяйство представляет собой замкнутую, самообеспечивающуюся единицу, но ее изолированность, конечно, относительна. Что же касается мира-Двойника, то его изоляция в силу своей абсолютности превращается в полное отрицание всего окружающего, не имеющего непосредственного отношения к его хозяину, — оно фактически не существует (конечно, только с точки зрения хозяина данного мира, но ведь в мире-Двойнике это единственная возможная точка зрения).

Поскольку на каждом хронологическом срезе в Египте существует множество гробниц, как древних, так и новых, каждой из которых соответствует свой мир-Двойник, такое отрицание окружающего на деле означает полнейшую разделенность и независимость этих мирков друг от друга. Правда, в свое время Г. Юнкер на основании наличия на щеке входа в мастабу $H(j).f-hw(j).f-w(j) I$ (Г № 7140) изображения входящих в часовню хозяина и его матери [Simpson, 1978, pl. 15-с, 16-а, fig. 26; библиография: *PM III*², p. 133], которая была похоронена в другой гробнице, предположил, что мертвые (а мы теперь можем сказать: их Двойники) могли ходить по некрополю и навещать друг друга [Junker, 1954, S. 171–175]. Такая интерпретация, пусть даже основывающаяся на единичном памятнике, вполне вероятна, хотя и требует дополнительного подтверждения, [218] однако даже если Юнкер был абсолютно прав, возможность таких визитов Двойников означает связь только между некоторыми мирками (близких родственников) и только в одном аспекте (встреча хозяев), К тому же не следует забывать, что выходение из гробницы может быть гораздо более древней идеей, лишь приспособленной к кругу представлений о Двойнике.

Как бы то ни было, изображение у $H(j).f-hw(j).f-w(j) I$ является исключением, правилом же было иное. Человек, желавший, чтобы рядом с его Двойником был Двойник кого-то из его близких, просто изображал последнего в своей гробнице, тем самым включая его в свой мир, вне зависимости от того, что изображенный мог иметь свою собственную гробницу. Такое раздвоение египтян нисколько не смущало, ибо в конечном счете они

стремились лишь к одному — к фиксации Двойника любым способом, вне зависимости от того, где находится изображение. Поэтому если человек по какой-либо причине строил несколько гробниц, в каждой из них существовал свой мир-Двойник этого человека. Например, у царицы *Htp-ḥr.s II* было три гробницы — ей принадлежала северная часовня в мастабе ее мужа *K3(j)-w^cb(.w)* (Г № 7110), мастаба Г № 7530+7540, уступленная ею ее неожиданно умершей дочери *Mr(j)-s(j)-ḥnḥ(.w) III*, и, наконец, мастаба Г № 7350, где она, вероятно, и была похоронена [Dunham, Simpson, 1974, p. 7]. Во всех трех часовнях имелись изображения *Htp-ḥr.s II*, т. е. одновременно функционировало три ее мира-Двойника, из которых два были начисто оторваны от погребения.

Подобные случаи нередки; более того, гробницы одного и того же человека могли находиться в разных концах страны. Так; *Mrjj-r^c(w)-nfr(.w) / Pjppj-nfr(.w) / K3r* построил свою гробницу в Гизе (BM 1319, 1330, 1341, 1342 [British Museum, 1961, pl. 32–34] + ГЭ □ 18233 [Большаков, 1983-2, рис. на с. 37, 38] а затем, когда он был переведен на службу в Эдфу, соорудил в тамошнем некрополе другую [Daressy, 1917], где и был похоронен [Большаков, 1983-2, с. 39]. Точно так же и знаменитый *Wnj* имел гробницу на одном из столичных кладбищ, а затем построил другую в Абидосе (см. гл. 5, § 2). Поскольку старая гробница при этом не уничтожалась, ясно, что существование мира ее изображений нисколько не мешало и даже было полезным.¹⁵ Конечно, это непреднамеренные исключения, вызванные обстоятельствами жизни конкретных людей, но ведь и в норме египтяне стремились к умножению своих памятников и, соответственно, миров-Двойников. [219]

Особенно хорошо это прослеживается по кенотафам, которые получили широкое распространение в Среднем царстве. Потребность в них была связана с расцветом культа *Js.t-jr.t* в Абидосе — каждый хотел поселить своего Двойника рядом с гробницей и храмом этого бога, — а возможность их существования предопределялась спецификой представления о мире-Двойнике, о которой идет речь. Египетский кенотаф представляет собой чисто изобразительный памятник, имитирующий часовню, которая, как мы знаем, функционирует независимо от погребальной камеры. Это либо обыкновенная стела, либо маленькая часовенка с тремя стелами, вмурованными в ее стены; изображения на них не имеют никакой специфики по сравнению с обычными стелами. Эти изображения создают свой мир-Двойник, не связанный ни с телом умершего, ни с миром-Двойником гробничной часовни. Ввиду принципиальной независимости миров-Двойников, когда один из них просто не существует для другого, многочисленность памятников одного человека не порождала никаких проблем (как соотносятся друг с другом разные *k3w*, который из них «настоящий» и т. п.) и в то же время давала дополнительные гарантии — хоть один памятник да останется неразрушенным, хоть один мирок да сохранится.

Очень интересные свидетельства дает нам также первая история демотического цикла о царевиче *H(j)-m-w3s.t*. Великий мудрец *H(j)-m-w3st* ищет в гробницах мемфисского некрополя книгу заклинаний бога *Dḥwtj*, и наконец находит ее в гробнице древнего чародея *N(3)-nfr-k3-ptḥ*. В гробнице он видит самого *N(3)-nfr-k3-ptḥ* и его жену, разговаривает с ними и даже играет в «шашки» (Ch. I, IV:28–30). В какой же ипостаси выступают *N(3)-nfr-k3-ptḥ* и его жена? Несмотря на то, что начало сказки утрачено, ситуацию, в которой происходит действие, можно реконструировать вполне достоверно. В тексте прямо сказано, что в гробнице, которую нашел царевич, похоронен лишь *N(3)-nfr-k3-ptḥ* (Ch. I, IV:25), а его жена и сын покоятся в Коптосе (Ch. I, IV: 11, 16), на расстоянии 650 км от Мемфиса. Тем не менее, согласно словам самого *N(3)-nfr-k3-ptḥ*, все они пребывают в мемфисской гробнице: «...они в Коптосе, но также здесь, в этой гробнице, благодаря искусству доброго писца» (Ch. I, VI:4). Разумеется, речь идет о совместном пребывании Двойников,¹⁶ сомнение может быть [220]

¹⁵ Исключение составляли, видимо, только гробницы царевичей, становившихся царями, — человеческий мир-Двойник их часовен вступал в противоречие с божественной сущностью царя, выявлявшейся при коронации, и его следовало уничтожить, разрушив гробницу или по крайней мере только изображения и имена [Большаков, 1994-1; Bolshakov, 1995-2].

¹⁶ В сказке есть и детали, как будто противоречащие этому. Для того чтобы попасть в гробницу, царевич вынимает какой-то камень (Ch. I, IV:36) и спускается вниз (Ch. I, W:39), что может означать

лишь в том, каким образом оно достигалось. Ф. Лл. Гриффис полагал, что это обеспечивалось формулами Книги мертвых, позволяющими переноситься в любое место [Griffith, 1900, p. 38–39], Э.М. Блэкмен возражал, что скорее дело в изображениях («писец» = «художник») [Blackman, 1935, p. 6, note 6]. Последнее мнение представляется предпочтительным. Ведь, несмотря на всю расплывчатость представлений Позднего времени, главная черта концепции Двойника — связь $k3$ и изображения — сохранялась неизменной, поэтому, если мы признаём, что речь идет о Двойниках $N(3)-nfr-k3-pt\dot{h}$, его жены и сына, мы вынуждены признать, что их совместное пребывание было обеспечено при помощи именно изображений. Таким образом, первая история о $H^c(j)-m-w3s.t$ всецело и очень красочно подтверждает, что мир-Двойник совершенно независим от погребения и может включать Двойника другого человека, где бы последний ни был похоронен, не перекрываясь и не соединяясь при этом с его миром-Двойником.

Количество примеров можно умножать до бесконечности, но и сейчас у нас уже достаточно оснований для выводов о сущности мира-Двойника. Это мирок, представляющий собой несколько улучшенную копию вельможеского хозяйства, замкнутый сам на себя и ни в чем за своими пределами не нуждающийся. Изоляция его абсолютна, связей с другими такими же мирками он не имеет. Для каждого человека может быть создано любое количество мирков; кроме того, его Двойник может жить и в мирках других людей, если те изобразили этого человека на своих памятниках. Совокупность функционирующих в каждый момент мирков не образует единого мира, пусть даже дискретного по структуре; собственно, об их совокупности и говорить-то некорректно, ибо, с точки зрения жителя любого из этих изолированных мирков, за его пределами ничего нет.

Таким образом, староегипетский мир-Двойник качественно отличен от всего, что мы знаем в других культурах. Во-первых, это не какая-то искони существующая преисподняя, а каждый раз заново создаваемый фрагмент действительности. Во-вторых, это не общее обиталище для многих, а закрытая для чужих территория, предназначенная только для своего [221] владельца и его родни и челяди. Наконец, в-третьих, это не загробный мир — он создается и начинает свое существование еще при жизни человека, и еще при жизни человека в нем живет его Двойник; этот мир можно определить как параллельный миру земному, точнее, его части.¹⁷

проникновение в замурованную шахту или ход, ведущий в погребальную камеру. Это вроде бы подтверждается и тем, что один раз говорится о том, как $N(3)-nfr-k3-pt\dot{h}$ «поднялся с ложа» (Ch. I, YV:27) — он описывается скорее всего не как активный Двойник, а как покоящаяся мумия. Однако эти противоречия не должны нас смущать. Ко времени появления сказки представление о Двойнике и его мире утратило былую четкость, и характерного для Старого царства противопоставления погребальной камеры часовне уже не существовало (см. гл. 8), так что автор вполне мог поселить Двойников в склепе, а не в культовом помещении. Впрочем, насильственное проникновение в шахту должно было противоречить образу $H^c(j)-m-w3s.t$ как благочестивого мудреца, и извлечение камня скорее всего следует понимать иначе — как расчистку заваленного входа в гробницу; тогда $H^c(j)-m-w3s.t$ попадает в часовню. В том же, что $N(3)-nfr-k3-pt\dot{h}$ «поднимается с ложа», нет ничего удивительного — мертвого, пусть даже и в ипостаси Двойника, наиболее естественно увидеть лежащим, и такая контаминация в поздних представлениях вполне возможна. Наконец, не будем забывать, что сказка возникла в среде людей, мало образованных по части мировоззренческих концепций и плохо представляющих себе культовую практику былых эпох, так что в ней возможны самые грубые несоответствия (на этот факт мое внимание обратил А.Г. Суцевский).

¹⁷ В связи с изложенной концепцией А.Г. Суцевский заметил, что мир чудесного острова «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» (pHermitage □1115), названного в тексте «островом $k3$, строится по образцу мира-Двойника. Во-первых, он изолирован от окружающего мира. Во-вторых, он имеет только одного обитателя, выключенного из всех общественных связей. В-третьих, он представляет собой мир изобилия, где есть все, чего только можно пожелать (и что приносится в жертву в гробнице или изображается на ее стенах). В-четвертых, несомненна некоторая искусственность этого мира. Наблюдение Суцевского, за разрешение опубликовать которое я ему искренне признателен, не исчерпывает всех проблем, связанных с чудесным островом, но оно позволяет подойти к пониманию «Сказки» на качественно новом уровне и одновременно свидетельствует о действенности идеи мира-Двойника, которая могла служить образцом для создания моделей других миров.

§ 5. Египетское обозначение мира-Двойника

Термин «мир-Двойник», которым мы пользуемся для обозначения мира, создаваемого изображениями, введен искусственно; в египетском языке точного соответствия ему нет. Не может ли это означать, что вся предложенная реконструкция представления об этом мире не имеет ничего общего с действительностью и является лишь плодом нашей фантазии?

По примерам из самых различных областей хорошо известно, что зачастую употребительность того или иного термина определялась в Египте не степенью его важности, обобщенности, точности и т. д., а какими-либо другими причинами, делавшими его с точки зрения египтян более удобным, ярким, т. е. предпочтительным. В полной мере это своеобразие древнего восприятия проявилось, например, в египетской социальной терминологии. То же самое имело место и в случае с представлением о мире-Двойнике.

В Старом царстве, когда речь заходила о месте вечного существования, египтяне предпочитали термин *Jmn.t* — «Запад». Такое словоупотребление пришло из глубочайшей древности, где оно должно было иметь конкретный географический смысл, но, как было показано выше (гл. 3, § 2), в рассматриваемый период оно его уже утратило — слово *Jmn.t* стало наиболее общим обозначением иного мира вне какой-либо пространственной привязки. Таким образом, понятие *Jmn.t* включает в себя то, что мы называем миром-Двойником, и является соответствием употребляемому нами термину. Однако соответствие это не полное, а частичное — Запад по отношению к миру-Двойнику является понятием более широким, общим. Далее (гл. 8) будет показано, что мир-Двойник был не [222] единственным «загробным миром», что помимо него в египетской гробнице существовали и другие миры. Термин *Jmn.t* не делает различия между ними, в равной мере относясь к каждому из них и ко всем им вместе взятым.

Точно так же обстояло дело и с термином *hr(j).t-ntr*, зачастую синонимичным *Jmn.t* (см. гл. 3, § 2).

Почему же при такой разработанности теории мира-Двойника отсутствовал специальный термин для его обозначения? Вероятно, причина в том, что в Старом царстве представление о нем настолько преобладало над другими представлениями об инобытии, что специальное обозначение было ненужным — когда говорилось о потустороннем, было ясно, что речь идет главным образом о мире-Двойнике. Поэтому традиционно сохранявшиеся старинные и уже утратившие первоначальный смысл термины *Jmn.t* и *hr(j).t-ntr* вполне удовлетворяли потребности людей Старого царства. Когда же в I Переходном периоде начались серьезные изменения в мировоззрении (см. гл. 8), которые могли бы потребовать уточнений, представления о мире-Двойнике утратили первоначальную чистоту, начали смешиваться с представлениями другого круга, и надобность в дифференциации терминологии отпала сама собой.

§ 6. Мир-Двойник и земной мир

Из вопроса об объеме и границах мира-Двойника вполне логично вытекает вопрос о том, как соотносятся мир-Двойник и земной мир. Наиболее просто его можно сформулировать так: где находится мир-Двойник, какое место он занимает? Выше (гл. 3, § 2) было показано, что Запад не имеет никакой конкретной пространственной локализации в мире людей. Теперь, когда мы знаем, что Запад и мир-Двойник в значительной степени перекрываются, такое словоупотребление становится совершенно понятным. Ведь мир-Двойник, создаваемый изображениями, качественно отличен от мира земного, не единосущностен с ним и поэтому не может располагаться где-то в пределах человеческого мира. Эти два мира: находятся в разных измерениях, и хотя существующее в одном имеет Двойников в другом, между собой они не связаны. То, что, вспоминая человека, мы видим его Двойника, такой связью не является — он слишком неуловим, субъективен, с ним невозможно вступить в контакт. Однако есть люди, которым дано видеть Двойников лучше,

чем другим, и выявлять их в нашем мире. Это художники. Художник, в отличие от другого человека, может уловить Двойника, обвести, оконтурить его, закрепить в нашем мире хотя бы часть его. Поэтому изображение оконтуривает Двойника изображенного, выявляет его для зрителя. Оно является как бы проекцией мира-Двойника на наш мир, точкой соприкосновения двух миров. Именно это соприкосновение миров в изображении и отразилось в обозначении его словом «дверь». [223]

Поскольку изображения располагаются в гробнице, она, будучи точкой соприкосновения двух миров, оказывается совершенно особенным местом; то же самое относится и к некрополю в целом. В определенном смысле гробница и некрополь принадлежат к обоим мирам, что и отражается в двузначности понятия *hr(j).t-ntr*. Однако представить себе одновременную принадлежность двум измерениям очень трудно, поэтому правильнее говорить о том, что то один, то другой аспект этого места становится главенствующим, точно так же, как это было со словоупотреблением *hr(j).t-ntr*. Когда в гробнице есть люди, она принадлежит их миру (ведь никто не рассчитывал увидеть в ней Двойника хозяина), когда же люди уходят, часовня переходит к миру-Двойнику, но этого уже никто не видит.

Особенно хорошо двойственный характер часовни проявляется в ритуале *jn(j).t rd*. Этот ритуал, известный по множеству изображений от всех эпох египетской истории, завершал жреческую службу в часовне. Содержание ритуала полностью отражено в его названии: «уничтожение /букв.: "убирание"/ следов /букв.: "ноги"/». ¹⁸ Жрец, последним вышедший из часовни, заметал тростниковым веником оставленные на полу следы. Необходимость этого действия очень понятна. Мир-Двойник и мир людей должны быть разделены, не должны смешиваться. Для того чтобы после ухода людей на территории, которая переходит к миру-Двойнику, не оставалось ничего от их мира, они уничтожают свидетельство своего пребывания в часовне — следы на полу.

Следует еще раз подчеркнуть, что такую принадлежность часовни двум мирам не нужно понимать слишком буквально — нельзя полагать, будто ее пространство в отсутствие людей становится пространством мира-Двойника. Это невозможно уже хотя бы в силу различия объемов часовни и мира-Двойника. Пространства мира людей и мира-Двойника различны, поэтому совершенно бессмысленно говорить о том, что последний [224] где-то находится — находится где-то значит находится где-то в нашем мире, а такая постановка вопроса изначально некорректна. Мир-Двойник существует, и это несомненно; где он существует, сказать нельзя. Особое же отношение к часовне, гробнице и некрополю как к месту соприкосновения двух миров совершенно естественно, однако оно имеет не сущностный, а скорее эмоциональный характер. Место, каким-то образом связанное с иным миром (а такая связь несомненна), обязательно воспринимается человеком не так, как другие места, оно в силу этого соприкосновения священо, но искать здесь какую-то конкретизацию представлений не приходится.

§ 7. Временные характеристики мира-Двойника

Из всего, что было сказано выше, вытекают и временные характеристики мира-Двойника. Поскольку он создается как окружение для Двойника владельца гробницы и

---

¹⁸ Такое понимание, восходящее еще к Э.Х. Гардинеру [Davies, Gardiner, 1915, p. 93], общепринято [см., например: Junker, 1938, S. 110–111]. Правда, Х. Альтенмюллер предложил совершенно иную трактовку, согласно которой *jn(j).t rd* следует понимать как «доставку rd», где *rd* — обозначение воды с натроном; ритуал в его трактовке заключается в разбрызгивании этой воды с целью магической защиты часовни от проникновения злоумышленников [Altenmüller, 1971]. Это мнение, однако, опровергается написанием названия ритуала на обломке ахмимского саркофага *Hwj.t* времени I Переходного периода (ГМИИ I, Ia, 5310) как $\overline{\Lambda}$ [Лившиц, 1966, рис. 2]. Знак $\overline{\Lambda}$ заменяет здесь $\overline{\text{J}}$, *jn(j)*, что известно по ряду аналогий [там же, с. 17], а слово $\overline{\text{c}}$ — «след ноги» [Wb. I, S. 159:4–5; Лившиц, 1965, с. 16–17] стоит вместо традиционного $\overline{\text{J}}$. Таким образом, несомненно, что в обычных написаниях $\overline{\text{J}}$ следует понимать именно как ногу (=след) и что старое чтение Гардинера совершенно правильно.

единосущности с ним, их протяженность во времени должна совпадать. Действительно, невозможно представить, чтобы мир, существующий только для своего хозяина, мог исчезнуть раньше, чем он сам, и оставить его в пустоте; столь же нелепо думать, что он может длиться после исчезновения господина, ибо тогда он уже просто не нужен. Таким образом, мир-Двойник должен существовать, пока целы изображения в гробнице.

Правда, всегда есть вероятность гибели изображений хозяина до того, как разрушатся остальные сцены, или наоборот. Однако это не норма, а несчастный случай, и египтяне едва ли занимались такой казуистикой, как рассуждения над подобной ситуацией. К тому же они многократно дублировали изображения хозяина, так что при естественном ходе вещей хотя бы одно из них должно было сохраниться по крайней мере так же долго, как и вспомогательные сцены; обычно так и получалось. Единственный случай, когда исчезают все изображения хозяина, — их намеренное уничтожение каким-либо врагом: тогда мир-Двойник может перейти к узурпатору, но это также не норма, а тягчайшее ее нарушение. Таким образом, мир-Двойник существует такую же «условную вечность», как и его хозяин.